

Екатерина Мордвинцева



В ЛАПАХ  
МЕДВЕДЯ

# Екатерина Мордвинцева

## В лапах медведя

<https://litres.ru/74211437>

### Аннотация

Кристина мечтала о тихих выходных с друзьями за городом. Вместо этого её машина заглохла посреди глухого леса, а единственное жильё, которое она нашла, принадлежало угрюмому громиле Илье. Он явно был не рад госте, но впустил, накормил и даже пообещал починить машину. Вот только запчасть нужно искать в городе, связи нет, а до ближайшей деревни пятнадцать километров.

Но почему по ночам из его комнаты доносится рык? Почему он нашёл её в лесу за пять минут, когда она бежала полчаса? И почему смотрит так, будто она принадлежит ему?

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 22 |
| Глава 3                           | 39 |
| Глава 4                           | 55 |
| Глава 5                           | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 76 |

# Глава 1

Пятница наступила ровно в 18:42 — именно в эту минуту начальник отдела маркетинга закрыл свой ноутбук с таким громким хлопком, словно ставил финальную точку в симфонии рабочей недели.

— Народ, я сваливаю, — объявил он тоном, не терпящим возражений, и, как по команде, офис ожил.

Кристина откинулась на спинку кресла и с наслаждением вытянула ноги под столом. Три пары туфель на каблуках — сменная обувь, потому что к вечеру ноги превращались в две ноющие чугунные тумбы, — сиротливо жались друг к другу. Она лениво наблюдала, как коллеги торопливо собираются, перебрасываясь планами на выходные.

— Крис, ты с нами в «Бархат»? — Ленка из креативного отдела уже натягивала пальто, одновременно пытаясь попасть в рукав и набрать сообщение в телефоне. — Там сегодня диджей из Питера, обещают пенную вечеринку.

— Не-а, — Кристина покачала головой и довольно улыбнулась. — Я за город. К Сашке и Светке. Шашлыки, банька, лес.

— О, романтика, — Ленка понимающе подмигнула. — Там же у Сашки друг холостой есть? Помнишь, на дне рождения Светы он еще на гитаре играл?

— Лен, я туда не за мужиками еду, — Кристина зака-

тила глаза, но усмехнулась. — Я за воздухом. За тишиной. Чтоб никаких уведомлений, никаких срочных задач и никаких пенными вечерами.

— Ну-ну, — хмыкнула Ленка и исчезла за дверью, оставив после себя шлейф духов и скептицизма.

Кристина посмотрела на монитор. Рабочая почта была разобрана, задачи на понедельник расписаны, отчет сдан. Она выключила компьютер и почувствовала, как с плеч буквально падает груз ответственности. Прямо физически. Будто кто-то снял тяжелый рюкзак, который тащила пять дней подряд.

Выходные. Два дня. Почти 48 часов свободы.

Дома её ждала только сумка, собранная ещё вчера — Кристина была из тех людей, кто готовится к поездкам загодя, раскладывая вещи по списку и несколько раз перепроверяя. Мама называла это «синдромом отличницы», а сама Кристина — «здоровым перфекционизмом». В конце концов, лучше потратить полчаса на сборы в четверг, чем в пятницу вечером носиться по квартире в поисках зарядки и второй носки.

Такси уже ждало у подъезда, когда она вышла из офиса. Весенний воздух — тот самый, который пахнет одновременно талым снегом, бензином и счастьем — ударил в лицо. Кристина глубоко вдохнула. Город гудел, переливался огнями, сигналил и спешил жить. Где-то играла музыка из открытого окна машины, пахло кофе из круглосуточной кофейни,

пара целовалась на остановке, не обращая внимания на прохожих.

Обычная пятничная жизнь мегаполиса.

— Девушка, садитесь, я по газам — пробки сейчас встанут, — водитель, пожилой мужчина с усами, как у кота Матроскина, нетерпеливо постукивал по рулю.

Кристина нырнула в салон, назвала адрес и откинулась на сиденье. За окном поплыли знакомые улицы, магазины, перекрестки. Вот здесь она обычно покупает кофе по утрам. Здесь — суши, когда совсем нет сил готовить. А в этом дворе живет её бывший, но Кристина старательно отвела взгляд, когда проезжали мимо.

Прошлое — это прошлое. А в будущем — шашлыки, баня и друзья.

Дома она пробежалась по квартире, проверяя, всё ли выключено. Газ — ок. Вода — ок. Утюг — а она вообще сегодня гладила? Кажется, нет. Телефон заряжен, пауэрбанк в сумке, документы в барсетке. Кристина на секунду замерла посреди комнаты, окидывая взглядом свое маленькое королевство — однушку в сердце спального района, купленную в ипотеку три года назад и до сих пор пахнущую ремонтом и надеждами.

Серая стенка, бежевый диван, три горшка с фиалками на подоконнике. Уютно. Тепло. Своё.

— Пока, квартира, — сказала она вслух и щелкнула замком.

Машина ждала на парковке. Серебристая «Мазда-3», которую Кристина ласково называла «Мышкой» — за серый цвет и тихое урчание мотора. Мышка была куплена с рук два года назад, но Кристина вылизала её до блеска: новые чехлы, ароматизатор с запахом ванили, навигатор с голосом, который она специально настраивала, потому что мужской баритон успокаивал лучше любой музыки.

Она села за руль, вдохнула знакомый запах салона, поправила зеркало заднего вида и вставила ключ в зажигание. Мышка отозвалась приветливым урчанием.

— Ну что, подруга, едем за город? — спросила Кристина, погладив руль. — Ты как, готова к приключениям?

Мышка промолчала, но завелась с пол-оборота, что Кристина сочла знаком согласия.

Она выехала со двора и через пять минут уже стояла в пробке на выезде из города. Впереди, насколько хватало глаз, тянулась вереница красных огней — стоп-сигналы тысяч таких же счастливчиков, сбегających от рабочих будней. Рядом в машине громко играл рэп, чуть дальше молодая мама укачивала ребенка, в автобусе напротив кто-то отчаянно жестикулировал, разговаривая по телефону.

Кристина включила музыку. Плейлист «В дорогу» — смесь джаза, инди и старого доброго русского рока. Цой запел про звезды по имени Солнце, и Кристина подпевала, постукивая пальцами по рулю.

Пробка двигалась медленно, но Кристина не нервничала.

Куда спешить? Друзья ждут, шашлыки не остынут, баня не остынет. У неё впереди целая вечность под названием «выходные».

Она вспомнила, как вчера вечером переписывалась со Светкой.

«Крис, ты не представляешь, как мы соскучились! Сашка уже маринад приготовил, такой секретный, по рецепту его деда. Говорит, пальчики оближешь. Я настряпала пирожков с капустой. Ты же любишь?»

«Обожаю», — ответила Кристина тогда.

«Вот и отлично. Захвати только себя и хорошее настроение. Остальное есть».

«А вино брать?»

«Не-е, у нас тут целый ящик припасен. И покрепче кое-что для желающих. Сашка самогон у друга взял, домашний, говорят, мягкий как зефир».

«Ох, боюсь я вашего самогона, — написала Кристина со смеющимся смайликом. — Помню прошлый раз».

«То был не самогон, а так, компот. Этот — легендарный. Короче, приезжай, не пожалеешь».

Кристина улыбнулась воспоминаниям. С Сашкой и Светкой они дружили еще с универа. Сашка — высокий бородастый программист с душой нараспашку и руками, растущими из правильного места. Светка — его полная противоположность: миниатюрная, шумная, вечно куда-то спешащая учительница младших классов. Они поженились на третьем

курсе, и все думали, что это студенческий брак, который развалится через год. А они до сих пор вместе, и глядя на них, хотелось верить, что настоящая любовь всё-таки существует.

Не то что у Кристины.

Её последние отношения закончились полгода назад. Максим. Красивый, успешный, уверенный в себе. Мама говорила — «золотой мужчина», подруги завидовали. А он оказался просто золотым мальчиком, который привык, что всё в этой жизни ему должны. И что он — центр вселенной, а все остальные — спутники, вращающиеся по орбите.

Кристина пыталась. Правда пыталась. Терпела его нотации, его капризы, его дурацкую ревность к коллегам и друзьям. А когда он в очередной раз устроил скандал из-за того, что она задержалась на работе на полчаса, она просто собрала вещи и ушла.

— Ты пожалеешь, — крикнул он ей вслед.

— Возможно, — ответила она, не оборачиваясь. — Но прямо сейчас мне легче жалеть, чем продолжать это терпеть.

И не пожалела. Ни разу.

С тех пор прошло полгода. Кристина залечивала раны работой, йогой и редкими встречами с подругами в кафе. Никаких серьезных отношений. Никаких «принцев на белом коне». Только работа, только дом, только редкие вылазки за город к друзьям, где можно было расслабиться, выпить вина и ни о чем не думать.

Пробка наконец рассосалась, и Мышка весело побежала

по трассе. Огни города остались позади, сменившись сначала промзонами с их унылыми бетонными коробками, потом дачными поселками, где горели редкие окна, а потом — чистым полем.

Кристина опустила стекло. Воздух ворвался в салон — свежий, пахнувший землей и прелой листвой, совсем не такой, как в городе. Она жадно вдохнула, чувствуя, как расправляются легкие, как уходит напряжение из плеч, как расслабляются мышцы лица.

— Хорошо-то как, — сказала она вслух и прибавила громкость.

Цой сменился Земфирой, и Кристина подпевала, глядя на убегающую под колеса дорогу. За окном мелькали березы, еще голые, только-только начинающие зеленеть, поля с прошлогодней травой, редкие деревеньки с покосившимися домами и вечно лающими собаками.

Она любила эти моменты. Состояние между. Между городом и природой, между работой и отдыхом, между напряжением и расслаблением. Когда можно просто ехать, слушать музыку и ни о чем не думать.

Навигатор бодро вещал мужским баритоном:

— Через тридцать километров поверните направо. Дальше следуйте по грунтовой дороге до конца.

— Спасибо, дорогой, — Кристина улыбнулась навигатору.

Она знала эту дорогу. Сашка со Светкой купили дом в до-

вольно глухом месте — специально, чтобы подальше от цивилизации. «Хотим детей растить на природе, чтоб воздух чистый, чтоб грибы в лесу, чтоб речка рядом», — объясняли они. Кристина их понимала. Сама она вряд ли решилась бы на такое — слишком привыкла к городу, к его ритму, к круглосуточным магазинам и доставке еды на дом. Но приезжать в гости — да, с удовольствием.

Она представила, как приедет, как Светка кинется обниматься, как Сашка будет колдовать у мангала, как они сядут на веранде, укутавшись в пледы, и будут болтать до утра под звездами. Может, и правда попробуют тот легендарный самогон. Хотя Кристина поклялась себе после прошлого раза, что больше никогда.

— Но обещания давать легко, а нарушать еще легче, — философски заметила она вслух.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Кристина любила это время суток — сумерки, когда день уже кончился, а ночь еще не наступила, когда мир замирает в ожидании, когда всё становится каким-то волшебным и немного таинственным.

Она включила фары. Мышка урчала довольно, стрелка спидометра замерла на девяноста — Кристина не любила гонять, предпочитая спокойную, размеренную езду.

— Девяноста — это оптимально, — учил её когда-то отец. — И бензин экономишь, и в случае чего затормозить успеешь.

Папа у Кристины был водителем с сорокалетним стажем, и его советы она впитала с молоком матери. Проверять давление в шинах раз в месяц, не гнать на мокрой дороге, всегда возить с собой трос и аптечку, а главное — не нервничать за рулем. «Машина чувствует твоё настроение», — говорил он. И Кристина верила.

Она бросила взгляд на приборную панель. Бензина — полбака, хватит и туда, и обратно, и ещё останется. Масло в норме, температура двигателя в норме. Мышка готова к путешествию.

За окном окончательно стемнело. Кристина прибавила света в фарах и чуть сбавила скорость — дорога пошла хуже, с ямами и выбоинами. Ремонтники сюда, видимо, не доезжали с прошлого века.

Навигатор ожил:

— Через пять километров сверните направо. Будьте внимательны, дорога может быть труднопроходима в темное время суток.

— Спасибо, утешил, — пробормотала Кристина.

Она свернула на указанном повороте, и асфальт кончился. Началась грунтовка — разбитая, ухабистая, с глубокими колеями от грузовиков. Мышка жалобно заскрипела, подпрыгивая на кочках.

— Тихо, девочка, тихо, — успокаивала Кристина. — Потерпи немного, скоро приедем.

Она ехала медленно, старательно объезжая ямы и вгляды-

ваясь в темноту. Фары выхватывали из мрака кусты, деревья, редкие столбы с проводами. Лес подступал к самой дороге — темный, настороженный, молчаливый.

Где-то ухнула сова. Кристина поежилась.

— Красота, — сказала она, чтобы хоть как-то разрядить тишину. — Настоящая лесная романтика.

Мышка вдруг чихнула. Один раз, второй. Дернулась.

— Ты чего? — Кристина насторожилась.

Мотор работал ровно, но что-то было не так. Какое-то едва уловимое изменение в звуке, в вибрации. Будто машина поперхнулась.

— Нет, нет, нет, — зашептала Кристина. — Только не сейчас. Мы почти приехали. Еще немного.

Она прибавила газу, надеясь, что Мышка переборет неполадку и вывезет. Но машина дернулась еще раз, звук мотора стал прерывистым, и через несколько секунд Мышка просто заглохла.

Тишина.

Абсолютная, звенящая, пугающая тишина.

Кристина замерла, вцепившись в руль. В ушах гудело после шума мотора. Она попробовала повернуть ключ — стартер заскрипел, но двигатель даже не чихнул. Еще раз. Еще. Никакой реакции.

— Нет, — сказала Кристина громко. — Нет, это шутка такая? Это розыгрыш? Сашка, Светка, вы там, что ли, решили надо мной подшутить?

Она посмотрела в зеркало заднего вида. Сзади — темнота. Впереди — темнота. По бокам — лес.

Кристина достала телефон. Связи не было. Вообще. Ноль делений.

— Отлично, — выдохнула она. — Просто отлично.

Она выключила фары, чтобы не посадить аккумулятор, и замерла в темноте. Сердце колотилось где-то в горле. В голове проносились картинки из страшных фильмов — маньяки в лесу, волки, медведи, заброшенные дома с привидениями.

— Стоп, — сказала она себе. — Паника — плохой советчик. Вдох-выдох. Что мы имеем? Машина сломалась. Связи нет. До дома друзей... сколько там? Навигатор говорил, по грунтовке до конца. Значит, километра три-четыре. Это не так много. Я могу дойти пешком.

Она посмотрела на свои ноги. Балетки. Тонкие, удобные, но совершенно не предназначенные для прогулок по лесной дороге в темноте. И куртка — легкая, демисезонная. И сумка с вещами.

— Ладно. Сумку оставляю в машине. Возьму только документы, телефон и пауэрбанк. И воду. И фонарик. У меня же есть фонарик в телефоне.

Она лихорадочно собиралась, пытаясь не думать о том, что в этом лесу может кто-то быть. Или что-то.

Выбравшись из машины, Кристина захлопнула дверь и поежилась. Ночной лес встретил её холодом, сыростью и полной, абсолютной тишиной. Даже птицы не пели. Даже ве-

тер не шумел. Стояла такая тишина, что звон в ушах казался оглушительным.

Она включила фонарик на телефоне. Хилый лучик света выхватил из темноты кусок дороги, колею, грязь, траву.

— Ну, погнали, — сказала Кристина и сделала первый шаг.

Она шла быстро, стараясь не думать о том, что может скрываться в черноте за кругом света от фонарика. Ветки цеплялись за куртку, под ногами хлюпала вода, холод пробирался под одежду. Кристина кусала губы и твердила про себя: «Я сильная, я смелая, я дойду».

Через полчаса ходьбы она поняла, что дорога становится всё хуже. Уже не грунтовка, а просто две колеи, заросшие травой. Лес обступил плотной стеной, и Кристина вдруг осознала, что не помнит, сворачивала она куда-то или нет. Ей казалось, что она идет прямо, но деревья выглядели одинаково, дорога петляла, и ориентиров не было.

Она остановилась, пытаясь отдышаться и успокоиться. Вдалеке что-то ухнуло. Потом треснула ветка.

— Это сова, — сказала Кристина громко. — Или кабан. Или вообще ничего. Спокойно.

Она посветила фонариком по сторонам. Телефон показывал тридцать процентов заряда. Связи не было.

— Так, — Кристина попыталась вспомнить уроки выживания, которые когда-то читала в интернете. — Если заблудился в лесу, нужно найти воду. Или выйти на открытое ме-

сто. Или... или просто надеяться на чудо.

И чудо случилось.

Вдалеке, между деревьями, мелькнул свет. Слабый, желтоватый, теплый. Кристина замерла, боясь поверить. Свет не двигался, не мигал — просто горел ровным пятном в темноте.

— Дом, — выдохнула она. — Там дом.

И, забыв про страх, побежала на свет.

Она бежала, спотыкаясь о корни, цепляясь за ветки, падая и поднимаясь, и снова бежала. Свет становился всё ближе, и Кристина уже видела очертания дома — старого, бревенчатого, с крыльцом и забором. За домом угадывался сарай или гараж. Рядом стояла машина — огромный внедорожник, черный, блестящий даже в темноте.

Кристина выскочила на поляну, запыхавшаяся, грязная, с мокрыми от пота волосами, и замерла у калитки. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за километр.

В доме горел свет. Кто-то был там. Живой человек.

Кристина перевела дух, поправила куртку, пригладила волосы и открыла калитку. Скрипнула ступенька крыльца. Она поднялась, занесла руку, чтобы постучать, и замерла.

Дверь открылась сама.

На пороге стоял он.

Кристина не сразу поняла, что пялится. Просто не могла отвести взгляд. Мужчина был огромный — под два метра ростом, широченный в плечах, с руками, которые, каза-

лось, могли гнуть подковы. Одет в простую клетчатую рубашку с закатанными рукавами и старые джинсы. Темные волосы взлохмачены, на лице — щетина, а взгляд...

Взгляд был тяжелый. Настороженный. Изучающий. И совершенно не дружелюбный.

— Чего надо? — спросил он голосом, от которого у Кристины мурашки побежали по спине. Низкий, хриловатый, с ленцой. И с какой-то скрытой угрозой.

— Я... — Кристина сглотнула. — У меня машина сломалась. Там, на дороге. Я к друзьям ехала, а тут... Связи нет. Можно у вас телефон позвонить? Или, может, вы поможете? Я заплачу.

Мужчина молчал. Смотрел на неё в упор, и от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю. Или бежать без оглядки.

Но бежать было некуда. Сзади — лес, холод, темнота. А здесь — свет, тепло и человеческое жильё. Пусть хозяин и выглядит как громила из криминальных сводок.

— Телефона нет, — сказал он наконец.

— А... машина? Я видела у вас внедорожник. Может, съездим, посмотрим? Я правда заплачу. Сколько скажете.

Он снова замолчал. Смерил её взглядом с головы до ног — грязные балетки, перепачканные джинсы, порванный рукав куртки, испуганные глаза.

— Поздно уже, — сказал он. — Темно. Завтра посмотрю. И, не дожидаясь ответа, посторонился, пропуская внутрь.

Кристина шагнула через порог и оказалась в небольшой прихожей. Пахло деревом, табаком и чем-то еще — терпким, диковатым, неуловимым. Зверем, что ли? У неё мелькнула дурацкая мысль: «Может, он охотник? Держит дома чучела или шкуры?».

В доме было тепло. Горел свет, где-то тихо работал телевизор. Обстановка — простая, мужская: деревянная мебель, кожаный диван, на стенах — какие-то старые фотографии и пара ружей. Настоящих ружей.

Кристина сглотнула.

— Раздевайся, — бросил хозяин, проходя в комнату. — Жрать будешь?

— Я... да. Спасибо.

Он исчез на кухне, а Кристина осталась стоять в прихожей, пытаясь унять дрожь. То ли от холода, то ли от страха. Руки тряслись, зубы выбивали дробь.

— Иди на кухню, — донеслось оттуда. — Чего встала?

Кристина послушно прошла. Кухня оказалась небольшой, но уютной — старая газовая плита, холодильник, обшарпанный стол, два стула. Хозяин уже колдовал у плиты, помешивая что-то в кастрюле.

— Садись.

Она села. Положила руки на стол и уставилась на них, боясь поднять глаза. Тишина давила.

— Ешь.

Перед ней поставили тарелку с горячим супом. Обычный

куриный суп с лапшой. Кристина вдруг поняла, что зверски голодна. Она схватила ложку и начала есть, обжигаясь и не чувствуя вкуса. Просто теплое, соленое, жидкое — то, что нужно после ледяного леса.

Он сел напротив. Смотрел.

Кристина подняла глаза, встретила с ним взглядом и чуть не поперхнулась.

— Меня Кристина зовут, — сказала она, чтобы нарушить тишину.

— Илья.

— Спасибо, Илья. Вы... вы меня спасли. Я уж думала, заблужусь там.

— Не заблудилась бы, — пожал он плечами. — Дорога одна. Вышла бы куда-нибудь.

— К медведям, например, — попыталась пошутить Кристина.

Он не улыбнулся. Вообще никак не отреагировал. Просто смотрел своими темными глазами, от которых у Кристины внутри всё холодело.

— Медведи спят еще, — сказал он равнодушно. — Рано.

— А, ну да. Конечно.

Кристина уткнулась в тарелку. До ела суп, выпила чай, который он молча поставил перед ней. От чая пахло травами — не такими, как в магазине, а лесными, настоящими. Мятай, зверобоем, еще чем-то.

— Спасибо, — сказала она, отодвигая пустую кружку. —

Я... мне правда очень неловко. Я в долгу не останусь. Завтра поможете с машиной? Я позвоню друзьям, они приедут, заплатят.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Илья. — Спать будешь в зале. На диване.

Он встал, прошел в комнату, бросил на диван плед — старый, клетчатый, пахнущий пылью и лесом.

— Умыться где? — спросила Кристина.

— Ванная там, — кивнул он в сторону коридора. — Полотенце возьми в шкафу.

И ушел в свою комнату, плотно закрыв дверь.

Кристина осталась одна. Она посидела еще немного, приходя в себя, потом нашла ванную, умылась ледяной водой, глядя на себя в зеркало. Из зеркала смотрела испуганная, растрепанная, бледная девушка с темными кругами под глазами.

— Кристина, ты попала, — шепнула она своему отражению. — Но могло быть хуже. Ты жива, ты в тепле, ты сыта. Завтра всё решится.

Она вернулась в зал, забралась на диван, укрылась пледом. Свет погасила — выключатель нашелся у входа. Легла, глядя в темноту, прислушиваясь к звукам.

В доме было тихо. Слишком тихо. Ни скрипа половиц, ни дыхания за стеной, ни шума воды. И только где-то далеко, в самой глубине ночи, ухнула сова.

Или не сова.

Кристина закрыла глаза и провалилась в тяжелый, тревожный сон без сновидений.

## Глава 2

Солнце садилось быстро — так быстро, словно кто-то невидимый крутил регулировку яркости на небесном пульте, убавляя свет с каждым прожитым мгновением. Кристина всегда считала, что закаты в городе красивее: там они отражаются в стеклах высоток, смешиваются с неоновой рекламой и фарами машин, создавая иллюзию вечного праздника. Здесь, на трассе, закат был другим — диким, первобытным, безжалостным. Огромный красно-оранжевый шар медленно погружался в линию горизонта, окрашивая верхушки сосен в кровавый цвет, и Кристине вдруг стало неуютно.

Она прибавила громкость, отгоняя навязчивую тишину, которая начинала просачиваться в салон сквозь закрытые окна. Земфира сменилась «Сплинами», и Васильев заунывно тянул про «выхода нет». Кристина поморщилась и переключила на «Мумий Троль» — пусть лучше Илья Лагутенко поет про влажность и девочек, чем нагнетает тоску.

— Через десять километров поверните направо, — бодро отрапортовал навигатор.

— Поняла, приняла, — кивнула Кристина, хотя кивать в пустоту было глупо. Но за годы одиночных поездок она привыкла разговаривать сама с собой. И с Мышкой. И с навигатором. В конце концов, умный собеседник — это тот, кто не перебивает и не спорит.

Мышка бежала ровно, урчала довольно. Стрелка спидометра замерла на отметке девяносто — оптимальная скорость для этой трассы, где качество асфальта менялось каждые пять километров от «европейский стандарт» до «настоящая российская действительность». Сейчас была как раз действительность: заплатки, трещины, ямы, которые приходилось объезжать, рискуя вылететь на встречу.

Кристина бросила взгляд на пассажирское сиденье, где лежала сумка с гостинцами: бутылка хорошего вина (не того, что пьют наспех, а выдержанного, за шестьсот рублей), коробка конфет для Светки и новый нож для Сашки — он коллекционировал всякие охотничьи штуки. Кристина выбрала финку с деревянной ручкой, в магазине сказали, что ручная работа, дамасская сталь. Сашка должен оценить.

Она представила, как приедет, как Светка будет ахать над подарками, как Сашка тут же начнет вертеть нож в руках, проверяя балансировку, как они сядут на веранде, и Светка разольет по бокалам привезенное вино, и Сашка скажет: «Ну, за встречу!»

Хорошо.

Тепло.

Уютно.

Кристина улыбнулась своим мыслям и чуть прибавила газу, чтобы проскочить длинный участок разбитой дороги побыстрее.

Навигатор ожил снова:

— Через пять километров поверните направо. Будьте внимательны, дорога может быть труднопроходима в темное время суток. Рекомендуются двигаться с пониженной скоростью.

— Что значит «труднопроходима»? — нахмурилась Кристина. — Там что, танк нужен?

Но навигатор уже замолчал, выполнив свою функцию и не собираясь вступать в дискуссии.

Кристина посмотрела на горизонт. Солнце почти село, осталась только узкая полоска света на стыке неба и земли, и эта полоска стремительно таяла. Зажглись первые звезды — робкие, едва заметные, словно примеряющиеся, стоит ли им сегодня выходить на работу.

Включились фары. Мышка послушно осветила дорогу, выхватывая из сумерек серый асфальт, разметку, которая здесь уже давно стерлась, и придорожные кусты, тянущие свои голые ветки к проезжей части, будто пытаясь схватить проезжающие машины.

— Глупости, — сказала Кристина вслух. — Какие ветки? Обычный лес. Обычная дорога. Миллионы людей ездят тут каждый день.

Ну, не миллионы. Может, сотни. Может, вообще десятки. За последние полчаса ей встретились только две машины: старенький «жигуленок», который тащился так медленно, что Кристина обогнала его, как стоячий, и огромный лесовоз, пронесшийся навстречу с такой скоростью, что Мыш-

ку качнуло воздушной волной.

А сейчас дорога была пуста. Совсем. Ни одной фары впереди, ни одного огонька сзади. Только темнота, лес и бегущая под колеса лента асфальта.

Поворот оказался именно там, где обещал навигатор — неприметная грунтовка, уходящая в лес, почти незаметная с основной трассы. Кристина сбавила скорость и включила поворотник, хотя включать его было не для кого — разве что для призраков.

— Ну, Мышка, держись, — сказала она и свернула.

Асфальт кончился сразу. Резко, будто его отрезали ножом. Дорога превратилась в две глубокие колеи, между которыми росла трава — прошлогодняя, пожухлая, высокая. Мышка жалобно скрипнула подвеской, наскочив на первый же ухаб.

— Тихо, девочка, тихо, — Кристина сбросила скорость до минимума, почти до пешеходной. — Это временно. Прорвемся.

Она вглядывалась в темноту, стараясь разглядеть дорогу. Фары выхватывали только небольшой кусок пространства, и этого куса было катастрофически мало, чтобы оценить все опасности. Колеи становились то глубже, то мельче, дорога петляла между деревьями, и Кристине казалось, что она едет не к друзьям, а в какую-то первобытную чащобу, откуда не возвращаются.

— Это просто лес, — убеждала она себя. — Обычный лес.

Сашка со Светкой живут тут уже три года, и ничего. Не съели их. И машина у них есть. И дорогу они как-то преодолевают.

Правда, у Сашки внедорожник, старый, но мощный, с высокой посадкой и злыми зубастыми шинами. А у неё — Мышка. Городская, изнеженная, привыкшая к ровным асфальтам и парковкам у гипермаркетов.

— Ничего, — повторила Кристина. — Я аккуратно. Я медленно. Я проеду.

Она проехала еще метров двести, объезжая особо глубокие ямы по траве, рискуя напороться на пни или корни, но другого выхода не было. Лес обступил плотной стеной — сосны, ели, какие-то кустарники, названий которых Кристина не знала. Ветки царапали крышу и двери, будто проверяли Мышку на прочность.

Стало совсем темно. Кристина включила дальний свет, но он только высветил бесконечную стену деревьев, уходящую в никуда. Дорога, если это можно было назвать дорогой, вилась между ними, как змея, и Кристина уже начала сомневаться, туда ли она едет.

Она бросила взгляд на навигатор. Тот показывал, что они движутся в правильном направлении, но связь стала неустойчивой — карта подгружалась с задержкой, стрелочка их местоположения прыгала, как блоха.

— Только не вздумай сдохнуть, — предупредила Кристина телефон. — Ты мне нужен.

Телефон промолчал, но связь не потерял. Пока.

Дорога пошла под уклон. Мышка накренилась, и Кристина инстинктивно вцепилась в руль. Колеса попали в колею глубже, чем обычно, и машину повело. Она сбросила газ, пытаясь выровняться, но колея держала крепко, ведя Мышку, как по рельсам.

— Черт, — выдохнула Кристина. — Черт, черт, черт.

Впереди в свете фар показалась огромная лужа — или не лужа, а целое озеро, разлившееся поперек дороги. Объехать было негде — слева деревья, справа деревья. Только ехать напрямик.

Кристина прикусила губу. Она терпеть не могла водные преграды. В детстве её чуть не утащило течением в реке, и с тех пор любая вода, которую нельзя было контролировать, вызывала сосущий страх под ложечкой.

Но деваться было некуда.

— Мышка, ты справишься, — сказала она, скорее чтобы успокоить себя, чем машину. — Ты же японка. Японцы умные. Они делают машины, которые ездят по воде.

Она плавно нажала на газ, въезжая в лужу. Вода брызнула в стороны, фары осветили муть, поднимающуюся со дна. Мышка чихнула, но поехала, урча и побулькивая. Глубина оказалась не такой страшной — выше середины колес, но до порога не доставала.

— Давай, девочка, давай, — подбадривала Кристина. — Еще немного. Мы почти проехали.

Они почти проехали, когда Мышка дернулась.

Сначала Кристина не придавала значения — подумала, что колесо наскочило на камень или корягу, скрытую водой. Но мотор зазвучал как-то иначе — с надрывом, с хрипотцой, будто простуженный.

— Нет, — сказала Кристина тихо. — Нет, только не сейчас.

Она выжала газ, пытаясь выскочить из лужи, но Мышка дернулась еще раз, и еще, и вдруг затихла.

Сдохла.

Прямо посередине этой чертовой лужи.

— Нет! — Кристина закричала, ударив по рулю. — Нет, нет, нет!

Она повернула ключ. Стартер заскрежетал, мотор чихнул и затих. Еще раз — то же самое. Еще — тишина.

Кристина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумела кровь. Она пыталась дышать ровно, как учили на йоге, но получалось плохо.

— Это просто поломка, — сказала она вслух. — Обычная поломка. Машины ломаются. Это нормально. Сейчас я выйду, посмотрю, может, провод отошел. Может, просто вода попала. Это лечится.

Она открыла глаза, выключила фары, чтобы не посадить аккумулятор, и вышла из машины.

Вода была ледяной. Кристина взвизгнула, когда балетки мгновенно промокли, и холод обжег ноги. Она стояла в луже,

по колено в мутной жиже, и пыталась вспомнить, что вообще можно сделать в такой ситуации.

Капот. Надо открыть капот.

Она нащупала рычажок, дернула, обошла машину. Капот поддался не сразу — заклинило, видимо, от старости или от воды. Кристина дернула сильнее, чуть не сорвав ногти, и наконец открыла.

В свете единственного работающего габарита она увидела двигатель — грязный, маслянистый, совершенно не понятный. Кристина не разбиралась в машинах. Совсем. Она знала, где заливать омывайку и как проверять уровень масла — папа научил. Но всё остальное было для неё китайской грамотой.

Провода — вроде на месте. Ремни — вроде целые. Ничего не дымится, не течет, не искрит. Всё выглядит нормально. Но машина не заводится.

Кристина постояла еще минуту, глядя на двигатель с чувством полной беспомощности, потом захлопнула капот и вернулась в салон.

Ноги замёрзли так, что она их почти не чувствовала. Кристина стянула мокрые балетки, бросила их под ноги и принялась растирать ступни руками, пытаясь вернуть чувствительность. Пальцы были белые, холодные, как у трупа.

— Думай, — приказала она себе. — Думай, Кристина. Ты умная девочка. Ты окончила университет с красным дипломом. Ты решаешь рабочие задачи быстрее всех в отделе. Ты

справишься.

Первое — связь.

Она схватила телефон. Связи не было. Вообще. Ноль делений. Даже экстренный вызов не работал.

— Черт, — выдохнула Кристина. — Черт, черт, черт.

Второе — друзья. Сашка со Светкой ждут. Они знают, что она выехала. Они начнут волноваться, когда она не приедет. Но когда? Через час? Через два? Учитывая, что она не назвала точного времени, а сказала просто «вечером», они могут забеспокоиться только к полуночи. А сейчас...

Кристина посмотрела на часы. 21:47.

До полуночи больше двух часов.

Два часа в лесу. Одна. В темноте. В машине, которая стоит посреди лужи.

Третье — тепло. Если она останется в машине, можно включить двигатель и погреться. Но двигатель не работает. Можно включить печку на аккумуляторе, но аккумулятор сядет быстро, и тогда вообще всё.

Кристина принялась лихорадочно соображать. Что говорят в таких случаях инструкции по выживанию? Оставаться на месте. Не уходить. Ждать помощи. Но помощи ждать неоткуда — по этой дороге, судя по всему, никто не ездит. Машины, которые могли бы проехать, уже вряд ли появятся.

Значит, надо идти пешком.

Кристина посмотрела на свои ноги. Мокрые, холодные, в балетках, которые размокли и теперь, скорее всего, разва-

лятся через километр. В багажнике есть кроссовки — она всегда возила сменную обувь. Но до багажника надо выйти, открыть его, и снова залезть в эту ледяную воду.

— Ладно, — сказала она решительно. — Я сильная. Я справлюсь.

Она накинула куртку, сунула ноги в мокрые балетки (другой обуви всё равно нет, кроссовки в багажнике), и снова вышла из машины. Вода обожгла холодом, но Кристина стиснула зубы и пошла к багажнику, стараясь не думать о том, что чувствует при этом.

Багажник открылся. Она порылась в вещах, нащупала кроссовки, вытащила. Носки — в рюкзаке, но рюкзак на заднем сиденье. Значит, сначала в машину, переобуться, потом — в путь.

Она вернулась в салон, кое-как вытерла ноги влажными салфетками (сухих не было), натянула носки и кроссовки. Сразу стало чуть теплее, но ноги всё равно мерзли — сырость въелась в кожу.

Теперь — сборы. Что взять с собой?

Телефон — обязательно. Пауэрбанк — обязательно, чтобы не сдох телефон. Документы — без них никуда. Вода — бутылка минералки пригодится. Фонарик — есть в телефоне, но лучше взять настоящий, маленький, на батарейках, она всегда возила его в бардачке на всякий случай.

Кристина вытащила фонарик, проверила — работает. Сунула в карман куртки. Деньги — пару тысяч наличкой, на

всякий случай. Ключи от машины — оставить или взять? Оставила в замке зажигания. Вдруг чудо случится, и кто-то сможет её завести.

Она вылезла из машины, на этот раз уже более уверенно, и огляделась. Темнота стояла такая, что хоть глаз выколи. Только слабый свет габаритов Мышки выхватывал из мрака кусок дороги и стволы ближайших деревьев.

Лес шумел. Ветер, которого не было слышно в машине, здесь гулял вовсю, раскачивая верхушки сосен, и этот звук — низкий, тягучий, бесконечный — действовал на нервы. Где-то ухнула сова. Или не сова — Кристина не была уверена, как вообще ухают совы. Может, это филин. Может, кто похуже.

— Прекрати, — сказала она себе. — В этом лесу нет ничего страшнее лисы и кабана. А кабаны, если их не трогать, не нападают. Кажется.

Она посветила фонариком на дорогу. Колеи уходили вперед, теряясь в темноте. Сколько идти до дома друзей? Навигатор говорил, что по грунтовке до конца — около трех километров. Она проехала, ну, может, километр. Значит, идти еще два.

Два километра по лесу. Ночью. В одиночку.

— Ничего страшного, — бормотала Кристина, делая первый шаг. — Это как на беговой дорожке. Только темно. И страшно. И холодно. И вообще не как на беговой дорожке.

Она шла быстро, стараясь держаться колеи, чтобы не за-

плутать. Фонарик выхватывал из темноты дорогу, траву, корни, камни. Воздух был сырой и холодный, пахло прелой листвой, хвоей и еще чем-то — болотом, что ли? Кристина принюхалась и поежилась.

Через сто метров дорога пошла в гору. Колеи стали мельче, зато появились камни — острые, торчащие из земли, как зубы. Кристина споткнулась, едва не упала, выругалась и пошла медленнее.

Лес дышал. Шумел ветвями, скрипел стволами, шуршал чем-то невидимым в подлеске. Кристине то и дело казалось, что за ней кто-то следит. Она оборачивалась, светила фонариком в темноту, но видела только деревья, кусты и бесконечную черноту между ними.

Нервы натянулись как струны. Каждый звук заставлял сердце пропускать удар, а потом биться в два раза быстрее. Кристина сжимала фонарик так, что побелели костяшки, и твердила про себя: «Я дойду, я дойду, я дойду».

Она прошла еще метров триста, когда дорога раздвоилась. Вернее, не раздвоилась, а разошлась — одна колея уходила влево, другая вправо, и было совершенно непонятно, какая из них главная.

Кристина остановилась. Посветила налево — деревья, деревья, деревья. Направо — то же самое. Ни указателей, ни следов машин, ничего.

— Черт, — выдохнула она.

Телефон. Надо проверить навигатор.

Она достала телефон. Связи не было по-прежнему, но карта, загруженная заранее, работала. Кристина ткнула в экран, приближая изображение. Дорога на карте была одна. А в реальности — две.

— Либо я не туда свернула изначально, либо карта врет, — пробормотала Кристина.

Она попыталась определить по звёздам, где север, но звёзд почти не было видно из-за туч, и вообще она не умела ориентироваться по звёздам. Только в теории знала, что Полярная звезда указывает на север. Но найти Полярную звезду среди мириардов других огоньков было нереально.

— Ладно. Выбирай, Кристина. Левая или правая?

Она зажмурилась и ткнула пальцем в воздух. Открыла глаза. Палец указывал налево.

— Значит, налево.

Она свернула в левую колею и пошла дальше. Дорога здесь была хуже — заросшая, с глубокими рытвинами, заваленная сухими ветками. Кристина продиралась сквозь них, царапая куртку и руки, и думала о том, что в детстве обожала ходить в походы с родителями. Тогда лес казался ей добрым, волшебным, полным тайн и приключений. Сейчас он был просто страшным.

Она шла уже около часа, когда поняла, что устала. Ноги гудели, в боку кололо, в горле пересохло. Кристина остановилась, достала воду, сделала несколько глотков. Вода была холодная, приятная, но пить много не хотелось — вдруг при-

дется экономить.

Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным. Кристина прислушалась. Ни машин, ни голосов, ни собак. Только лес — шуршит, дышит, живет своей жизнью, в которой нет места человеку.

Она пошла дальше.

И вдруг остановилась.

Ей показалось, что сзади кто-то есть.

Кристина резко обернулась, осветила фонариком дорогу. Пусто. Только колея, трава, кусты. Никого.

— Показалось, — сказала она вслух, и голос прозвучал сипло, испуганно. — Просто показалось.

Она пошла быстрее, почти побежала, спотыкаясь о корни и камни. Фонарик прыгал в руке, выхватывая из темноты куски реальности — ствол сосны, валежник, чью-то нору у дороги.

И снова звук.

На этот раз явственный — треск веток. Где-то слева, совсем близко.

Кристина замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за километр. Она затаила дыхание и стояла, боясь пошевелиться.

Треск повторился. И еще. Кто-то большой ломился через кусты, приближаясь к дороге.

В голове у Кристины пронеслось всё, что она когда-либо слышала о диких животных. Медведи просыпаются весной

голодные и злые. Волки охотятся стаями. Кабаны могут покалечить одним ударом.

Она попятилась, не сводя фонарика с того места, откуда доносился звук. Потом развернулась и побежала.

Кристина бежала так быстро, как только могла, не разбирая дороги, не глядя под ноги. Ветки хлестали по лицу, корни цепляли за ноги, но она бежала, пока не споткнулась и не упала, больно ударившись коленом о камень.

Вскрикнув, она замерла, прижимая руку к ушибленному месту. В глазах стояли слезы — от боли, от страха, от отчаяния. Она лежала на холодной земле и слушала, как лес шумит вокруг.

Треск прекратился. Тишина.

Кристина поднялась, потирая ушибленную ногу. Штаны порвались, из ссадины сочилась кровь — теплая, липкая. Она вытерла руку о куртку и огляделась.

Фонарик она уронила при падении, и теперь его свет слабо мерцал в траве в нескольких метрах. Кристина подползла, схватила, посветила вокруг.

Дорога. Она была на дороге. Колея, колея, та же самая колея. Значит, она не сбилась с пути.

— Хорошо, — выдохнула Кристина. — Уже хорошо.

Она прислушалась. Тишина. Тот, кто ломился через кусты, ушел. Или затаился. Или вообще был не страшным, а просто лосем или оленем.

— Лоси не ломаются через кусты ночью, — сказала она се-

бе. — Лоси спят. Или нет? Черт его знает.

Она пошла дальше, стараясь не хромать, хотя колено болело. Хромать нельзя — это замедлит движение. А двигаться надо быстро. Надо найти дом. Любой дом. Хоть какую-то халупу, где есть люди и свет.

И вдруг впереди, между деревьями, она увидела свет.

Слабый, желтоватый, теплый. Он мерцал и переливался, как маяк в океане.

Кристина замерла, боясь поверить. Свет не исчезал, не двигался, просто горел ровным пятном в темноте.

— Дом, — прошептала она. — Там дом.

И, забыв про усталость, боль и страх, побежала на свет.

Она бежала, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова бежала. Свет становился всё ближе, и Кристина уже видела очертания дома — старого, бревенчатого, с крыльцом и забором. За домом угадывался сарай или гараж. Рядом стояла машина — огромный внедорожник, черный, блестящий даже в темноте.

Кристина выскочила на поляну, запыхавшаяся, грязная, с мокрыми от пота волосами, и замерла у калитки. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за километр.

В доме горел свет. Кто-то был там. Живой человек.

Кристина перевела дух, поправила куртку, пригладила волосы и открыла калитку. Скрипнула ступенька крыльца. Она поднялась, занесла руку, чтобы постучать, и замерла.

Дверь открылась сама.

На пороге стоял мужчина. Огромный, под два метра ростом, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Темные волосы взлохмачены, на лице — щетина, а взгляд тяжелый, настороженный, недружелюбный.

— Чего надо? — спросил он.

И Кристина вдруг поняла, что не может вымолвить ни слова. Она просто стояла и смотрела на него, чувствуя, как от этого взгляда у неё подкашиваются ноги.

— Я... — начала она и осеклась.

И тут до неё дошло: она спасена. Она нашла дом. Она не замерзнет в лесу. И от этого осознания слёзы хлынули из глаз сами собой, без предупреждения, без разрешения.

— У меня машина сломалась, — выдавила она сквозь рыдания. — Я заблудилась. Можно у вас... можно просто постоять? Пожалуйста.

Мужчина молча смотрел на неё. Долго, тяжело, изучающе. А потом посторонился, пропуская внутрь.

— Заходи, — сказал он. — Только не реви.

Кристина шагнула через порог и оказалась в тепле. В свете. В безопасности.

И только переступив порог, она поняла, как сильно замёрзла, как устала и как ей хочется просто сесть и никуда больше не идти.

Она была спасена.

Или ей только казалось.

## Глава 3

Лес встретил Кристину тишиной. Не той тишиной, к которой привыкаешь в городе, когда за закрытыми окнами всё равно слышен гул машин и далекие сирены, а абсолютной, первобытной, давящей на барабанные перепонки. В этой тишине было слышно, как стучит сердце — гулко, быстро, испуганно.

Кристина сделала первый шаг от машины и чуть не упала, поскользнувшись на мокрой глине. Выругалась сквозь зубы, удержала равновесие и пошла дальше, стараясь держаться колеи. Фонарик в руке выхватывал из темноты только небольшой кусок дороги — метра три, не больше. Всё, что оставалось за этим кругом света, казалось враждебным и опасным.

Она шла и считала шаги. Один, два, три, четыре... Сбилась на двадцать седьмом. Начала заново. Снова сбилась. Глупо, но это помогало не думать о том, что вокруг — лес, ночь, и она совершенно одна.

— Я сильная, — шептала Кристина. — Я умная. Я справлюсь. Это просто прогулка. Обычная прогулка по лесу. Вечерняя. Полезно для здоровья.

Она попробовала улыбнуться, но губы не слушались — тряслись то ли от холода, то ли от страха. Куртка была тонкой, демисезонной, рассчитанной на пробежку от машины

до подъезда, а не на многочасовое путешествие по ночному лесу. Холод пробирался под одежду, щипал руки, заставлял ёжиться и стучать зубами.

Кристина ускорила шаг, надеясь согреться движением. Не помогло. Холод был внутри, вьелся под кожу вместе со страхом.

Дорога петляла между деревьями, то поднимаясь в гору, то ныряя в низины. Кристина старалась запоминать ориентиры — большой камень, поваленное дерево, сосна с раздвоенным стволом, — но все деревья были на одно лицо, все камни одинаковые, и через полчаса блужданий она уже не могла сказать точно, откуда пришла и куда идет.

Телефон она доставала каждые пять минут, проверяя связь. Связи не было. Ноль делений. Ни одной палочки. Словно она попала в зону отчуждения, где цивилизация переставала существовать.

В кармане куртки лежал пауэрбанк, и Кристина мысленно благодарила себя за то, что всегда носила его с собой. Хотя, если подумать, благодарить надо было папу — это он когда-то сказал: «Дочка, в машине всегда должны быть заряженный пауэрбанк, аптечка, огнетушитель и трос. И никогда не знаешь, что пригодится первым».

— Пап, ты был прав, — прошептала Кристина. — Как всегда.

Глаза защипало от слез. Она моргнула, прогоняя слабость. Плакать нельзя. Плакать — значит тратить влагу, тратить си-

лы, тратить время. И вообще, слезами делу не поможешь.

Она шла уже около часа, когда дорога начала сужаться. Колеи становились всё уже, трава — выше, а ветки деревьев сплелись над головой в плотный шатер, сквозь который не было видно неба. Фонарик освещал только узкую полосу земли, и Кристине казалось, что она идет по туннелю, ведущему в никуда.

И тут она услышала звук.

Сначала Кристина подумала, что ей показалось. Но звук повторился — глухой, низкий, похожий на стон или рык. Где-то совсем близко.

Она замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось так громко, что заглушало всё вокруг. Кристина затаила дыхание, стараясь стать невидимой, неслышной, незаметной.

Тишина.

Она постояла еще минуту, потом медленно, стараясь не шуметь, двинулась дальше. Фонарик она направила вниз, чтобы свет не привлекал внимания того, кто (или что) мог быть в лесу.

Звук повторился снова — на этот раз громче и отчетливей. Кристина вздрогнула и чуть не выронила фонарик. Это был вой. Настоящий волчий вой, протяжный, тоскливый, леденящий душу.

— Волки, — прошептала она побелевшими губами. — Здесь водятся волки.

Она слышала, что волки редко нападают на людей. Слы-

шала, что они боятся огня и громких звуков. Но сейчас, в этой крошечной тьме, все эти знания казались бесполезными. Инстинкт кричал: «Беги!», но разум понимал: бежать нельзя. Бежать — значит провоцировать хищника на погоню.

Кристина стояла, вцепившись в фонарик так, что побелели костяшки, и молилась. Она не была особенно религиозной, но сейчас, в лесу, под этот жуткий вой, слова молитвы всплыли откуда-то из детства, из бабушкиных рассказов.

— Отче наш, иже еси на небеси... — шептала она, не слыша собственного голоса. — Да святится имя Твое...

Вой стих так же внезапно, как начался. Тишина вернулась, но теперь она была другой — напряженной, выжидающей. Кристина стояла, боясь пошевелиться, и слушала.

Где-то слева треснула ветка.

Кристина резко обернулась, направив фонарик в ту сторону. Свет выхватил из темноты кусты, стволы деревьев, переплетение ветвей. Никого. Пусто.

Но ей показалось, что в глубине леса мелькнуло что-то темное, большое. Или не показалось?

— Есть кто? — крикнула Кристина, и голос прозвучал жалко, тонко, по-детски. — Помогите!

Никто не ответил.

Она постояла еще немного, потом развернулась и пошла дальше, теперь уже быстрее, почти бегом, не разбирая дороги. Страх гнал вперед, заставляя не думать об усталости, о

холоде, о том, что она может свернуть не туда и заблудиться окончательно.

Дорога снова пошла под уклон. Кристина бежала, спотыкаясь о корни и камни, хватая ртом холодный воздух, и повторяла про себя: «Только бы выйти куда-нибудь, только бы найти людей, только бы не остаться здесь на ночь».

Она не заметила, как дорога кончилась.

Просто в какой-то момент колеи исчезли, трава стала выше, и Кристина поняла, что стоит посреди леса, а тропы больше нет. Она сбилась с пути.

Паника накрыла с головой, как холодная волна. Кристина закрутилась на месте, светя фонариком во все стороны, пытаясь найти хоть какой-то признак дороги, но везде были только деревья — бесконечные, одинаковые, враждебные.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, нет, нет. Этого не может быть.

Она попыталась вернуться назад, но через несколько шагов поняла, что не помнит, откуда пришла. Лес выглядел одинаково со всех сторон. Каждая сосна казалась знакомой, каждая ель — чужой.

Кристина остановилась и закрыла глаза. Дыши. Просто дыши. Паника — плохой советчик. Надо успокоиться и подумать.

Она открыла глаза и посмотрела наверх. Сквозь кроны деревьев виднелось небо — темное, беззвездное, затянутое тучами. Ни луны, ни Полярной звезды, ничего, что могло бы

указать направление.

Телефон. Она достала телефон — связи нет, но карта есть. Кристина ткнула в навигатор, приближая изображение. Голубая точка их местоположения прыгала по экрану, не в силах определиться. Судя по карте, она находилась где-то посреди огромного зеленого пятна, обозначенного как «лесной массив». Дороги, помеченные на карте, были далеко — километрах в двух к востоку. Если верить карте.

А если карта врет?

Кристина убрала телефон — сэкономила заряд — и огляделась. Лес молчал. Ветер стих, и тишина стояла абсолютная, мертвая. Даже совы не ухали, даже ветки не скрипели.

И вдруг вдалеке она увидела свет.

Слабый, едва заметный, но свет. Он мерцал между деревьями, как далекий маяк, и Кристина сначала подумала, что ей мерещится — бывает же такое от усталости и страха, галлюцинации всякие.

Но свет не исчезал.

Кристина зажмурилась, потрясла головой, открыла глаза — свет был на месте. Желтоватый, теплый, живой.

— Люди, — выдохнула она. — Там люди.

И побежала.

Она бежала, не разбирая дороги, не чувствуя, как ветки хлещут по лицу, как корни цепляют за ноги, как колотится сердце где-то в горле. Она бежала на свет, как мотылек на пламя, как утопающий за соломинку.

Свет становился всё ближе, и Кристина уже различала очертания дома. Он стоял на небольшой поляне, окруженный высокими соснами, старый, бревенчатый, но крепкий, с двускатной крышей и трубой, из которой шел дым.

— Дом, — шептала Кристина на бегу. — Дом, дом, дом.

Она выскочила на поляну и замерла, тяжело дыша. От дома веяло теплом и уютом, свет лился из двух окон, освещая крыльцо и часть двора. За домом угадывались хозяйственные постройки — сарай, баня, что-то еще. А у забора, блестя свежей краской в свете луны (луна вдруг выглянула из-за туч, словно специально), стоял огромный внедорожник.

Черный, матовый, с высокими колесами и мощным бампером, он выглядел как зверь, притаившийся в засаде. Кристина не разбиралась в марках машин, но этот монстр явно стоил бешеных денег. И явно мог проехать там, где Мышка застряла бы на первом же метре.

— Хозяин дома, — прошептала Кристина. — У него есть машина. Значит, он сможет помочь.

Она перевела дух, поправила куртку, пригладила волосы — глупо, конечно, но хотелось выглядеть прилично, а не как лесное чудище. Потом подошла к калитке, толкнула — та открылась с протяжным скрипом, — и пошла по дорожке к крыльцу.

Ступеньки скрипели под ногами, и каждый скрип отдавался в груди испуганным стуком сердца. Кристина поднялась на крыльцо, подошла к двери и подняла руку, чтобы по-

стучать.

И замерла.

За дверью слышались шаги. Тяжелые, медленные, уверенные. Кто-то шел к двери.

Кристина опустила руку и сделала шаг назад. Вдруг ей стало страшно. А что, если там — маньяк? Отшельник, сбежавший из тюрьмы? Псих, который держит в подвале заложников?

Дверь открылась раньше, чем она успела принять решение — стучать или бежать.

На пороге стоял мужчина.

Огромный. Кристина всегда считала себя довольно высокой — метр семьдесят два на каблуках, — но этот человек возвышался над ней как скала. Под два метра ростом, широченные плечи, мощные руки, обтянутые рукавами простой клетчатой рубашки. Темные волосы взлохмачены, будто он только что встал или наоборот, не ложился. Лицо грубоватое, с тяжелой челюстью и щетиной, сквозь которую проглядывали глубокие складки у рта.

Но главное — глаза. Темные, почти черные, они смотрели на Кристину с такой тяжелой, давящей силой, что хотелось провалиться сквозь землю. Взгляд скользнул по ее лицу, по грязной куртке, по порванным джинсам, по балеткам, превратившимся в мокрые тряпки, и снова вернулся к лицу.

— Чего надо? — спросил он голосом, низким и хрипловатым, с ленцой, но в этой ленце чувствовалась скрытая угроза.

Кристина открыла рот, но звук не вышел. Она сглотнула, облизала пересохшие губы и попробовала снова:

— Я... у меня машина сломалась. Там, в лесу. Я заблудилась. Можно у вас... Можно просто постоять? Позвонить? Связи нет...

Она говорила и говорила, слова вылетали сами собой, бессвязные, испуганные, жалкие. Мужчина молчал, смотрел, и от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю.

— Пожалуйста, — закончила Кристина почти шепотом. — Я заплачу. Сколько скажете. Только не выгоняйте.

Он молчал еще долго. Секунд тридцать, которые показались вечностью. Потом посторонился, пропуская её в дом.

— Заходи, — сказал он. — Телефона нет.

Кристина шагнула через порог и оказалась в маленькой прихожей. Пахло деревом, табаком, и еще чем-то — диким, звериным, неуловимым. На вешалке висела куртка — огромная, мужская, и пара шапок. В углу стояли резиновые сапоги, забрызганные грязью.

— Раздевайся, — бросил хозяин, проходя в комнату. — Жрать будешь?

Кристина хотела сказать, что не голодна, но в этот момент живот предательски заурчал. Она покраснела.

— Буду, — тихо сказала она. — Спасибо.

Она стянула куртку, повесила на крючок, сняла мокрые балетки и осталась в тонких носках на холодном полу. Ногги тут же замерзли еще сильнее, но Кристина не решилась

просить тапки.

Она прошла в комнату. Огляделась.

Обстановка была спартанской, но добротной. Большой диван, обитый темной кожей, массивный деревянный стол, пара стульев. На стенах — старые фотографии в рамках: лес, горы, люди, которых Кристина не знала. В углу стояло ружье — настоящее, охотничье, и Кристина поежилась.

— Проходи на кухню, — раздалось из соседней двери.

Кристина послушно прошла. Кухня оказалась небольшой, но уютной — старая газовая плита, холодильник, обшарпанный деревянный стол, два стула. Хозяин уже стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Оттуда пахло мясом, луком, чем-то знакомым и домашним.

— Садись.

Она села. Положила руки на стол и уставилась на них, боясь поднять глаза. Тишина давила на уши.

Перед ней поставили тарелку с супом. Обычный куриный суп с лапшой, плавающими кусочками моркови и зелению. Кристина вдруг поняла, что зверски голодна. Схватила ложку, зачерпнула, подула, отправляя в рот.

Горячо. Вкусно. Так вкусно, что на глаза навернулись слезы. Она ела и ела, обжигаясь, не чувствуя вкуса, только тепло, расходящееся по телу.

— Ешь не спеши, — сказал хозяин, садясь напротив. — Никуда не убежит.

Кристина подняла глаза. Он смотрел на нее. Изучающе,

пристально, словно пытался прочесть по лицу всю её жизнь.

— Спасибо, — сказала она, откладывая ложку. — Вы меня спасли. Я уж думала, всё — заблужусь там, замерзну...

— Не замерзла бы, — пожал плечами он. — Лес не бесконечный. Рано или поздно вышла бы куда-нибудь.

— К волкам, например, — криво усмехнулась Кристина. — Я слышала вой. Там, в лесу.

Он нахмурился. Взгляд стал жестче.

— Далеко?

— Не знаю. Близко. Метрах в ста, наверное.

— Собаки, — сказал он после паузы. — У людей собаки. Вой, не вой — не разберешь в темноте.

Кристина кивнула, но почему-то не поверила. То, что она слышала, не было собачьим воем. Собаки лают, скулят, воют по-другому. А это был волк. Настоящий.

Но спорить она не стала. Кто она такая, чтобы спорить с хозяином дома?

— Доедай, — сказал он, вставая. — Потом спать. Завтра посмотрю твою машину.

— А может, сейчас? — с надеждой спросила Кристина. — Вдруг вы сможете починить? Я отведу вас, покажу...

— Нет, — отрезал он. — Ночью в лес не пойду. И ты не пойдешь. Сиди.

Кристина прикусила губу. Ей не нравилось здесь. Не нравился этот дом, этот лес, этот мужчина с его тяжелым взглядом. Но выбора не было.

— Ладно, — сказала она. — Спасибо.

Он кивнул и вышел из кухни.

Кристина доела суп, выпила чай, который он поставил перед ней (пах мятой и зверобоем), и понесла посуду в мойку. Хотела помыть, но он вернулся и сказал:

— Оставь. Утром.

— Спасибо, — повторила она в который раз.

Он прошел в комнату, бросил на диван плед — старый, клетчатый, пахнувший пылью и лесом.

— Умыться где? — спросила Кристина.

— Ванная там, — кивнул он в сторону коридора. — Полотенце возьми в шкафу.

И ушел в свою комнату, плотно закрыв дверь.

Кристина осталась одна. Она посидела еще немного, приходя в себя, потом нашла ванную. Маленькая, тесная, с старой чугунной ванной и раковиной, покрытой известковым налетом. На полке — мужской шампунь, мыло, опасная бритва. Никаких женских мелочей. Ни крема, ни духов, ничего.

Она умылась ледяной водой, глядя на себя в зеркало. Из зеркала смотрела испуганная, растрепанная, бледная девушка с темными кругами под глазами и ссадиной на скуле — видимо, зацепила веткой, когда бежала.

— Кристина, ты попала, — шепнула она своему отражению. — Но могло быть хуже. Ты жива, ты в тепле, ты сыта. Завтра всё решится.

Она вернулась в комнату, забралась на диван, укрылась пледом. Свет погасила — выключатель нашелся у входа. Легла, глядя в темноту, прислушиваясь к звукам.

В доме было тихо. Слишком тихо. Ни скрипа половиц, ни дыхания за стеной, ни шума воды. И только где-то далеко, в самой глубине леса, снова завывали волки. Или собаки. Кристина уже не была уверена.

Она закрыла глаза и провалилась в тяжелый, тревожный сон.

\*\*\*

Проснулась она от странного ощущения. Будто кто-то смотрит на нее.

Открыла глаза — темно. Прислушалась — тихо. Но чувство чужого взгляда не исчезало, давило на затылок, заставляло сердце биться быстрее.

Кристина медленно повернула голову. В комнате никого не было. Только тени от лунного света, падающего в окно, шевелились на стенах.

Она выдохнула. Показалось.

И в этот момент за стеной раздался звук.

Низкий, гортанный, звериный. Не то рык, не то стон. Кристина замерла, вцепившись в плед. Звук повторился — громче, отчетливей.

Там, в комнате хозяина, кто-то был. Или что-то.

Кристина приподнялась на локте, прислушиваясь. Звуки стихли, и вдруг раздался грохот — будто что-то тяжелое упало на пол. Потом шаги. Тяжелые, грузные, нечеловеческие.

Дверь в комнату хозяина была закрыта, но Кристине показалось, что она видит свет, пробивающийся сквозь щель. Тусклый, желтоватый, мерцающий.

Она замерла, боясь дышать. В голове проносились мысли: «Маньяк, псих, убийца, надо бежать». Но куда бежать? В лес? К волкам?

Шаги стихли. Потом раздался звук открываемой двери, и Кристина зажмурилась, притворяясь спящей.

Скрип половиц приближался. Кто-то шел к ней.

Кристина лежала, затаив дыхание, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Шаги остановились рядом с диваном. Совсем рядом.

Она чувствовала запах — терпкий, дикий, звериный. И тепло — от стоящего рядом тела исходил жар, как от печки.

Прошла минута. Две. Кристина боялась открыть глаза, боялась пошевелиться, боялась даже дышать.

Потом шаги отодвинулись. Скрип половиц — обратно к комнате. Щелчок закрываемой двери.

Кристина открыла глаза. В комнате было пусто. Только лунный свет лился в окно, да тени шевелились на стенах.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Что это было? Приснилось? Померещилось? Или в этом доме действительно происходит что-то странное?

Ответов не было. Была только ночь, темнота и стук собственного сердца.

Кристина не заметила, как уснула. Провалилась в сон внезапно, как в яму.

\*\*\*

Утро встретило её серым светом, пробивающимся сквозь занавески. Кристина села на диване, морщась от боли в спине — старый диван продавился, и спать на нем было жестко.

В доме пахло едой. Кристина принялась — яичница, бекон, кофе. Настоящий, свежий, ароматный.

Она встала, поправила одежду, пригладила волосы и пошла на кухню.

Хозяин стоял у плиты. В той же клетчатой рубашке, в тех же джинсах. Волосы влажные — видимо, только что из душа. Он обернулся на звук шагов, и Кристина снова попала под тяжесть его взгляда.

— Проснулась, — констатировал он. — Садись есть.

Кристина села. Перед ней поставили тарелку с яичницей, ломтиками бекона, поджаренным хлебом. И кружку кофе — черного, крепкого, без сахара.

— Спасибо, — сказала она, принимаясь за еду.

Он сел напротив со своей тарелкой и тоже ел. Молча, сосредоточенно, быстро.

— Как вас зовут? — спросила Кристина, чтобы нарушить

тишину.

— Илья.

— А меня Кристина. Я вчера говорила, кажется.

— Говорила.

Пауза.

— Илья, а что это было ночью? — спросила Кристина, не поднимая глаз. — Я слышала звуки. И кто-то подходил к дивану.

Он замер с вилок в руке. Потом медленно положил её и поднял глаза.

— Не знаю, о чем ты.

— Мне показалось? — настаивала Кристина.

— Показалось, — отрезал он. — Лес ночью шумит, дом старый скрипит. Чего только не услышится.

Кристина хотела возразить, но осеклась. Что она могла сказать? Что слышала рык? Что чувствовала чей-то взгляд? Что видела свет под дверью? Звучало как бред сумасшедшей.

Она промолчала и продолжила есть.

— После завтрака пойдем посмотреть твою машину, — сказал Илья, вставая из-за стола. — Собирайся.

## Глава 4

Кристина стояла на крыльце и не могла пошевелиться.

Свет из открытой двери падал на нее, высвечивая каждую царапину на куртке, каждое пятно грязи на джинсах, каждую слезинку, застывшую на щеках. Она чувствовала себя нашкодившей кошкой, которую застали за разрыванием обоев — жалкой, виноватой и совершенно беспомощной.

Мужчина в дверях не двигался. Он просто стоял, занимая собой весь проем, и смотрел. Сверху вниз — потому что Кристина была ниже на целую голову, даже с учетом того, что стояла на крыльце, а он — на пороге, всего на одну ступеньку выше.

Вблизи он казался еще больше, чем в первый миг. Не просто высокий — огромный. Под два метра ростом, с размахом плеч, который делал дверной проем похожим на детскую калитку. Руки — как бревна, обтянутые тканью клетчатой рубашки с закатанными рукавами. На предплечьях проступали вены, и Кристина почему-то залипла взглядом на этих венах — такие руки могли и гнуть подковы, и ломать кости.

Он был не просто крупным — он был массивным. Плотным. Тяжелым. Казалось, если он шагнет на крыльцо, доски прогнутся и треснут.

Лицо — грубое, словно вырубленное из камня топором. Тяжелая челюсть, глубокие носогубные складки, прямой нос

с небольшой горбинкой — били, наверное, в молодости. Темные глаза смотрели исподлобья, из-под густых бровей, и в этом взгляде не было ни капли радушия. Только настороженность, подозрительность и, кажется, раздражение.

Волосы темные, чуть длиннее, чем принято, взлохмаченные, будто он только что провел по ним рукой или вообще не причесывался. Щетина — несколько дней, небритая, но аккуратная, не запущенная.

Одежда простая, даже бедноватая для такого дома и такого внедорожника во дворе. Клетчатая рубашка, старая, с потертыми манжетами, джинсы, выдавшие виды, на ногах — носки, потому что он, видимо, уже собирался ложиться. Или не ждал гостей.

— Чего надо? — повторил он, и голос прозвучал как раскат грома в горах. Низкий, хриловатый, с ленцой, но в этой ленце чувствовалась скрытая угроза. Так разговаривают люди, которые не привыкли, чтобы им перечили. Которые привыкли, что их слушаются с первого слова.

Кристина открыла рот, но звук застрял в горле. Она сглотнула, облизала пересохшие губы — потрескавшиеся, соленые от слез — и попробовала снова:

— Я... у меня машина сломалась.

— И?

Он даже не шелохнулся. Руки скрещены на груди — мощные предплечья, кулаки как кувалды. Нога, обутая в носок, чуть выставлена вперед — поза, которая не пропускает

внутри.

— Я заблудилась. Ехала к друзьям, а тут... дорога плохая, машина заглохла. Связи нет. Я шла пешком, увидела свет...

— Далеко машина?

— Не знаю... Километр, может, два. Я не помню точно. Я бежала...

Она говорила и говорила, слова вылетали сами собой, бессвязные, испуганные, жалкие. Она ненавидела себя за этот жалобный тон, за дрожь в голосе, за то, что не может взять себя в руки и говорить спокойно, как взрослый человек. Но тело не слушалось. Адреналин схлынул, оставив после себя только дрожь и слабость.

— Я заплачу, — выпалила она, переходя к главному. — Сколько скажете. У меня есть деньги, я сняла сегодня, пять тысяч, могу отдать все, только... только не выгоняйте обратно в лес. Пожалуйста.

Он молчал. Смотрел на неё, и от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю, стать маленькой, незаметной, исчезнуть.

Секунды тянулись, как резиновые. Кристина слышала, как стучит сердце, как шумит в ушах кровь, как где-то в лесу ухает сова. Холод пробирался под куртку, заставляя дрожать, но она не смела пошевелиться, боясь спугнуть момент.

— Одна? — спросил он наконец.

— Что?

— Одна в машине? Одна шла?

— Да. Я одна. Никого нет. Я правда одна, — закивала Кристина, хотя вопрос показался странным.

Он еще помолчал. Потом медленно, будто принимая решение, которое ему не нравится, посторонился.

— Заходи.

Одно слово. Короткое, без приглашающего жеста, без улыбки, без тепла. Просто констатация факта: заходи, раз уж приперлась.

Кристина шагнула через порог и чуть не упала — ноги подкосились от облегчения. Она вцепилась в косяк, выровнялась и оказалась в маленькой прихожей.

Пахло деревом — старым, сухим, нагретым за день. Пахло табаком — не сигаретным, а трубчатым, горьковатым, терпким. И еще чем-то — диким, звериным, неуловимым. Этим запахом пахло от больших собак, когда Кристина в детстве гладила овчарку у соседей. Шерстью, теплом, лесом.

На вешалке висела куртка — огромная, мужская, брезентовая, с капюшоном на меху. Рядом — две шапки, одна вязаная, одна меховая. В углу стояли резиновые сапоги, высокие, забрызганные грязью, и охотничьи лыжи — настоящие, деревянные, с креплениями, которые Кристина видела только в фильмах.

— Раздевайся, — бросил хозяин, проходя в комнату.

Кристина послушно стянула куртку, повесила на крючок рядом с его огромной брезентовкой — её легкая демисезонка рядом с ней выглядела как одежда для куклы. Сняла ба-

летки и осталась в тонких носках на холодном полу. Ноги тут же замерзли еще сильнее, пальцы свело судорогой, но она не решилась просить тапки. Не тот случай.

Она прошла в комнату. Огляделась.

Обстановка была спартанской. Не бедной — добротной, мужской, без единой лишней детали. Большой диван, обитый темной кожей, с потертостями на подлокотниках — видно, что на нем много сидели и лежали. Массивный деревянный стол — на таких в старину пировали князья. Два стула с высокими спинками. На стенах — старые фотографии в деревянных рамках.

Кристина подошла ближе, разглядывая. Лес. Горы. Река. Люди — мужчины с бородами, в охотничьих костюмах, с ружьями наперевес. Женщин не было. Ни на одной фотографии. Только суровые мужики и природа.

В углу стояло ружье — двустволка, судя по виду, охотничья. Рядом — чехол для чего-то длинного, может, еще одного ружья, может, арбалета. Кристина поежилась и отвела взгляд.

— Проходи на кухню, — раздалось из соседней двери.

Кристина послушно прошла.

Кухня оказалась небольшой, даже тесной для такого крупного мужчины. Старая газовая плита — белая, с облупившейся краской. Холодильник — допотопный, рыжий от времени, но, судя по гулу, работающий. Обшарпанный деревянный стол, два стула — явно ручной работы, грубые, но креп-

кие. На подоконнике — никаких цветов, только пепельница с окурками и зажигалка.

Хозяин стоял у плиты, спиной к ней, и помешивал что-то в кастрюле. Оттуда пахло — боже, как вкусно пахло! Куриный бульон, лук, морковь, сельдерей, лавровый лист. Запах дома, запах детства, запах безопасности.

— Садись.

Он даже не обернулся. Просто бросил через плечо, и Кристина села. Положила руки на стол, сцепила пальцы в замок, чтобы не дрожали, и уставилась в одну точку.

Перед ней поставили тарелку. Обычная керамическая миска, синяя в белый горошек, с отбитым краем. В ней дымился суп — наваристый, золотистый, с домашней лапшой и крупными кусками курицы. Ложка — алюминиевая, погнутая, но чистая.

— Ешь.

Кристина схватила ложку, зачерпнула, подула — слишком горячо, — и все равно отправила в рот, обжигая нёбо. Вкус взорвался на языке — соль, перец, зелень, мясо, которое таяло во рту. Она ела и ела, забыв про приличия, про то, что надо благодарить, про то, что вообще происходит. Просто ела, чувствуя, как тепло разливается по телу, возвращая жизнь заоченевшим конечностям.

— Ешь не спеши, — сказал хозяин, садясь напротив. — Никуда не убежит.

Кристина подняла глаза. Он сидел, откинувшись на спин-

ку стула, и смотрел на неё. Тот же тяжелый, изучающий взгляд, но сейчас в нем появилось что-то еще. Любопытство? Или просто ждал, когда она закончит, чтобы начать разговор?

— Спасибо, — выдавила Кристина между глотками. — Вы меня спасли. Я уж думала, всё.

— Рано думать «всё», — усмехнулся он одними уголками губ. Усмешка вышла невеселой, скорее горькой. — Лес ночью — это не шутки.

— Я поняла, — кивнула Кристина. — Я слышала волков. Там, в лесу.

Он нахмурился.

— Далеко?

— Не знаю. Близко. Метрах в ста, может быть. Или ближе. Я испугалась, побежала и сбилась с дороги.

— Волков здесь нет, — сказал он после паузы. — Лет десять уже не видели. Последнего застрелили, когда скотину резать начал.

— А кто тогда выл?

— Собаки. У людей за деревней собаки. Ночью вой далеко слышно.

Кристина хотела возразить — она слышала волчий вой, не раз в кино и не раз в записях, и этот звук был именно таким, не собачьим. Но промолчала. Спорить с человеком, который пустил её в дом и накормил, было глупо и неблагодарно.

— Доедай, — сказал он, вставая. — Потом спать. Завтра

посмотрю твою машину.

Кристина замерла с ложкой у рта.

— А может, сейчас? — с надеждой спросила она. — Я покажу, где она. Тут недалеко. У вас же машина есть, я видела во дворе. Внедорожник. Он проедет. Мы съездим, посмотрим, может, почините, и я уеду. Я не буду вас больше беспокоить.

— Нет.

Одно слово. Короткое, как выстрел.

— Но почему? — Кристина не выдержала, голос дрогнул. — Я заплачу. У меня есть деньги. Пять тысяч. Могу больше — сниму в банкомате, когда до города доберусь. Сколько скажете.

— Дело не в деньгах.

— А в чем?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Очень долгим. Так смотрят на нашкодивших щенков, раздумывая, наказать или простить.

— В лесу ночью делать нечего, — сказал он. — Тем более женщине. Тем более с неработающей машиной. Завтра с утра поедem. Всё.

Он развернулся и вышел из кухни.

Кристина осталась одна. Сидела, сжимая ложку, и чувствовала, как в груди закипает злость. Кто он такой, чтобы указывать ей? Она взрослая женщина, она сама решает, что делать. Если она хочет поехать сейчас — значит, поедет.

Имеет право.

Она вскочила, готовая бежать за ним, спорить, требовать, но в этот момент он вернулся. В руках держал плед — старый, клетчатый, с вытершимися краями.

— Спать будешь в зале, — сказал он, проходя мимо. — На диване.

Он бросил плед на диван и снова повернулся к ней. Стоял, ждал, смотрел.

Кристина сдулась. Вся её злость ушла так же быстро, как появилась. Что она могла сделать? Убежать в лес? Нет, спасибо. Одной ночи хватило.

— Ладно, — тихо сказала она. — Спасибо. А где умыться?

— Ванная там. — Он кивнул в сторону коридора. — Полотенце возьми в шкафу.

— Спасибо.

Он кивнул и ушел в свою комнату. Дверь закрылась плотно, без скрипа. Щелкнул замок.

Кристина постояла еще немного, собираясь с мыслями, потом пошла искать ванную.

Ванная оказалась маленькой, тесной, с чугунной ванной, покрытой эмалью в мелких трещинках. Раковина — старая, с пятнами известкового налета, над ней зеркало в потемневшей оправе. На полке — мужской шампунь, мыло, опасная бритва, помазок. Никаких женских мелочей. Ни крема, ни духов, ничего.

Кристина умылась ледяной водой — горячая, видимо, не предусматривалась на ночь. Вытерлась полотенцем, найденным в шкафу — огромным, махровым, пахнущим свежестью и чем-то лесным, можжевельником, что ли. Посмотрела на себя в зеркало.

Из зеркала смотрела чужая женщина. Глаза красные, опухшие от слез, под глазами темные круги, на скуле багровеет ссадина, волосы спутались, торчат в разные стороны. Куртка и джинсы грязные, на коленке — темное пятно крови, проступившей сквозь ткань.

— Кристина, ты красавица, — шепнула она своему отражению. — Прямо мисс мира.

Она вернулась в комнату. Диван оказался жестким, пружины впивались в спину, но после всего пережитого это было сущей мелочью. Кристина забралась с ногами, укрылась пледом — пахло пылью и лесом, тем же запахом, что и от хозяина, — и закрыла глаза.

Сон пришел не сразу. Она лежала, прислушиваясь к звукам дома. Было тихо. Слишком тихо. Ни скрипа половиц, ни дыхания за стеной, ни шума воды. Только где-то далеко, в самой глубине леса, снова завyli — волки, собаки, неважно. И этот вой звучал как предупреждение.

\*\*\*

Она проснулась от странного ощущения. Будто кто-то

смотрит на неё.

Открыла глаза — темно. Прислушалась — тихо. Но чувство чужого взгляда не исчезало, давило на затылок, заставляло сердце биться быстрее.

Кристина медленно повернула голову. В комнате никого не было. Только тени от лунного света, падающего в окно, шевелились на стенах.

Она выдохнула. Показалось.

И в этот момент за стеной раздался звук.

Низкий, гортанный, звериный. Не то рык, не то стон. Кристина замерла, вцепившись в плед. Звук повторился — громче, отчетливей.

Там, в комнате хозяина, кто-то был. Или что-то.

Кристина приподнялась на локте, прислушиваясь. Звуки стихли, и вдруг раздался грохот — будто что-то тяжелое упало на пол. Потом шаги. Тяжелые, грузные, нечеловеческие.

Дверь в комнату хозяина была закрыта, но Кристине показалось, что она видит свет, пробивающийся сквозь щель. Тусклый, желтоватый, мерцающий.

Она замерла, боясь дышать. В голове проносились мысли: «Маньяк, псих, убийца, надо бежать». Но куда бежать? В лес? К волкам?

Шаги стихли. Потом раздался звук открываемой двери, и Кристина зажмурилась, притворяясь спящей.

Скрип половиц приближался. Кто-то шел к ней.

Кристина лежала, затаив дыхание, и чувствовала, как

сердце колотится где-то в горле. Шаги остановились рядом с диваном. Совсем рядом.

Она чувствовала запах — терпкий, дикий, звериный. И тепло — от стоящего рядом тела исходил жар, как от печки.

Прошла минута. Две. Кристина боялась открыть глаза, боялась пошевелиться, боялась даже дышать.

Потом шаги отодвинулись. Скрип половиц — обратно к комнате. Щелчок закрываемой двери.

Кристина открыла глаза. В комнате было пусто. Только лунный свет лился в окно, да тени шевелились на стенах.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. Что это было? Приснилось? Померещилось? Или в этом доме действительно происходит что-то странное?

\*\*\*

Утро наступило слишком быстро. Кристина открыла глаза от запаха еды — яичница, бекон, кофе. Настоящий, свежий, ароматный.

Она села на диване, морщась от боли в спине. Волосы стояли дыбом, во рту было сухо, глаза слипались. Чувствовала она себя так, будто не спала, а всю ночь мешки таскала.

Встала, поправила одежду — бесполезно, мятая и грязная, как была, — и пошла на кухню.

Хозяин стоял у плиты. В той же клетчатой рубашке, что и вчера. Или в другой, такой же. Волосы влажные — только

из душа. От него пахло мылом, свежестью и тем же лесным запахом.

Он обернулся на звук шагов. Взгляд — все тот же, тяжелый, изучающий.

— Проснулась. Садись есть.

— Доброе утро, — сказала Кристина, садясь за стол. — Спасибо.

Перед ней поставили тарелку — яичница из двух яиц, три полоски бекона, поджаренный хлеб. И кружка кофе — черного, крепкого, без сахара.

— Спасибо, — повторила Кристина, принимаясь за еду.

Он сел напротив со своей тарелкой. Ел молча, сосредоточенно, быстро. Кристина тоже молчала, боясь нарушить тишину.

— Как вас зовут? — спросила она наконец, чтобы хоть что-то сказать.

— Илья.

— А меня Кристина.

— Помню.

Пауза. Кристина ела и чувствовала, как он смотрит на неё. Прожевала, отложила вилку.

— Илья, а что это было ночью? — спросила она, не поднимая глаз.

— О чем ты?

— Я слышала звуки. Из вашей комнаты. И кто-то подходил к дивану. Я не спала. Я чувствовала.

Он замер. Вилка застыла на полпути ко рту. Потом медленно, очень медленно, он положил её на тарелку и поднял глаза.

— Не знаю, о чем ты.

— Мне не показалось, — упрямо сказала Кристина. — Я слышала. Рык. Как зверь.

— Зверей здесь нет.

— А кто тогда?

Илья посмотрел на неё долгим взглядом. Очень долгим. В этом взгляде было что-то, от чего у Кристины похолодело внутри. Не угроза — что-то другое. Предупреждение.

— Лес ночью шумит, — сказал он наконец. — Дом старый скрипит. Ты устала, перенервничала. Мало ли что услышится.

— Я знаю, что слышала.

— Ты слышала лес.

Они смотрели друг на друга. Кристина — испуганно, но упрямо. Илья — тяжело, непроницаемо.

Первым отвел взгляд он. Встал, забрал свою тарелку, отнес в раковину.

— После завтрака пойдем посмотреть твою машину, — бросил через плечо. — Собирайся.

Кристина выдохнула. Разговор был окончен. Илья не собирался ничего объяснять.

Она доела, помыла за собой посуду (он не просил, но она привыкла), оделась в прихожей, натянула все еще влажные

балетки — кроссовки так и остались в машине.

Илья уже ждал во дворе. В той же рубашке, но теперь поверх неё была надета куртка — та самая, брезентовая, с капюшоном на меху. В руках он держал фонарь — огромный, похожий на прожектор.

— Пошли, — сказал он и зашагал к лесу.

Кристина побежала за ним, стараясь не отставать. Он шел быстро, широким шагом, и ей приходилось почти бежать, чтобы поспевать. Лес встретил их утренней сыростью, птичьим гомоном, запахом прелой листвы.

— Где твоя машина? — спросил Илья, не оборачиваясь.

— Я не знаю точно. Я шла ночью, могла сбиться с пути.

— Вспоминай.

Кристина зажмурилась, пытаясь восстановить в памяти ночной маршрут. Вот она вышла из машины, вот пошла по дороге, вот свернула... Или не сворачивала?

— Там была развилка, — сказала она неуверенно. — Две дороги. Я пошла по левой.

— Значит, идем к развилке.

Они шли молча. Илья впереди, Кристина сзади. Лес постепенно светлел, солнце пробивалось сквозь кроны, но воздух оставался холодным. Кристина зябко куталась в куртку и думала о том, что вчерашний ночной кошмар уже кажется нереальным. Утро всё меняет.

Развилка оказалась там, где Кристина и предполагала. Две колеи, разбегающиеся в разные стороны. Илья остановился,

огляделся.

— Ну и куда?

— Налево, — уверенно сказала Кристина.

Они свернули налево. Прошли метров двести — и уперлись в тупик. Дорога заросла травой, колеи исчезли, дальше был только лес.

— Тупик, — констатировал Илья. — Дальше дороги нет.

— Не может быть, — растерялась Кристина. — Я точно шла сюда.

— Значит, ошиблась. Пошли обратно, попробуем направо.

Они вернулись к развилке и пошли по правой колее. Эта дорога была более накатанной, с глубокими следами от шин. Илья шел уверенно, и Кристина надеялась, что сейчас они выйдут к Мышке.

Но через полчаса блужданий по лесу Кристина поняла, что не узнает местность. Всё было чужим, незнакомым, не тем, что она видела ночью.

— Я не понимаю, — сказала она, останавливаясь. — Я думала, что запомнила дорогу, но... всё не так.

Илья остановился, повернулся к ней. Солнце светило ему в спину, и лицо было в тени, но Кристина видела, что он снова смотрит тяжело, испытующе.

— Паника, — сказал он. — Ночью, в лесу, в панике люди вообще не запоминают дорогу. Могло показаться, что шла прямо, а на самом деле кругами ходила.

— И что теперь?

— Искать. Лес небольшой, рано или поздно выйдем. Твоя машина где-то здесь.

Он пошел дальше, и Кристина поплелась за ним, чувствуя себя виноватой и беспомощной. Она подвела его, подвела себя, подвела всех.

Они искали еще часа два. Облазили, кажется, каждый метр леса в округе. Несколько раз выходили к каким-то дорогам, но это были не те дороги. Несколько раз Кристина кричала, надеясь, что Мышка отзовется сигнализацией, но лес молчал.

— Хватит, — сказал наконец Илья. — Стемнеет скоро. Надо возвращаться.

— Но моя машина...

— Завтра продолжим. Сейчас всё равно ничего не найдем в темноте.

Кристина хотела возразить, но поняла, что он прав. Солнце клонилось к закату, лес темнел на глазах, и снова оказаться здесь ночью она не хотела.

Они пошли обратно. В полном молчании. Кристина плелась за Ильей, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Она не плакала — сдерживалась из последних сил, но внутри всё кипело от отчаяния.

В дом они вернулись, когда уже стемнело. Илья прошел на кухню, зажег свет, поставил чайник.

— Садись, — бросил он. — Чай будешь?

— Буду, — тихо сказала Кристина.

Она села за стол, уронила голову на руки и закрыла глаза. Хотелось провалиться сквозь землю. Или проснуться. Понять, что всё это — дурацкий сон, и она сейчас откроет глаза в своей квартире, под мерный гул города за окном.

Но это был не сон.

— На, пей.

Перед ней поставили кружку с чаем. Кристина подняла глаза. Илья стоял рядом, смотрел на неё. И в этом взгляде впервые не было тяжести. Было что-то другое. Усталость? Сожаление? Она не поняла.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Он сел напротив со своей кружкой. Молчал. Кристина тоже молчала, грея руки о горячий чай.

— Почему вы мне помогаете? — спросила она наконец.

— А что, не надо было?

— Я не о том. Вы могли не открывать. Могли прогнать. А вы впустили, накормили, ищете мою машину... Почему?

Илья долго молчал. Пил чай, смотрел в окно, где уже было темно.

— Потому что человек, — сказал он наконец. — А люди друг другу помогать должны.

Кристина хмыкнула.

— В городе по-другому. Там каждый сам за себя.

— Затем и уехал, — усмехнулся он. — От города подаль-

ше. От людей.

— А я вот приехала.

— Ты — исключение.

Он допил чай, встал.

— Спать ложись. Завтра с утра продолжим искать. Найдем твою машину, починим, и поедешь к своим друзьям.

— Спасибо, Илья.

— Говорила уже.

Он ушел в свою комнату. Дверь закрылась. Щелкнул замок.

Кристина допила чай, помыла кружку и пошла на диван. Укрылась пледом, закрыла глаза.

Сегодня она не боялась. Сегодня она просто устала.

И заснула, едва голова коснулась подушки.

## Глава 5

Утро началось с того, что Кристина проснулась от собственного крика.

Ей снился лес. Темный, бесконечный, с деревьями, которые тянули к ней ветви, как руки. Она бежала, проваливаясь в снег — хотя откуда в апреле снег? — и не могла сдвинуться с места. А сзади нарастал тяжелый топот, дыхание, рык...

Она села на диване, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, рубашка прилипла к спине. В комнате было светло — солнце уже вовсю светило в окно, разгоняя ночные страхи.

— Это просто сон, — прошептала Кристина. — Просто сон.

Она откинула плед и поняла, что замерзла. Ночью, видимо, похолодало, и сквозь старые рамы тянуло холодом. Кристина поежилась, натянула куртку прямо поверх одежды и пошла искать ванную.

Умывание ледяной водой привело её в чувство. Она посмотрела на себя в зеркало — вид был уже лучше, чем вчера. Синяки под глазами чуть разошлись, ссадина на скуле подсохла, волосы после сна слегка пригладились. Все равно не красавица, но уже не пугало огородное.

Из кухни доносились звуки — звон посуды, шипение сковородки, шаги. Кристина прислушалась и вдруг поймала се-

бя на том, что эти звуки кажутся ей уютными. Домашними. Такими, какие бывают только в детстве, когда просыпаешься в выходной, а мама уже готовит завтрак.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Это не дом, это чужое жилье. Илья — не мама, а угрюмый мужик, который ее терпит по недоразумению. Нечего расслабляться.

Она вышла из ванной и направилась на кухню. Илья стоял у плиты — как вчера, как позавчера, будто и не ложился. Та же клетчатая рубашка, те же джинсы, тот же взлохмаченный затылок. От него пахло мылом и кофе.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.